

Е ДВА разразился прощолод- ный августовский кризис, как многих мыслителей-прогрес- сивистов одолела мнительность: ох, не закипела бы кровь у победителей, азиявших на при- цел партазиту, не развернулась бы «охота на ведьм»! Юная демократия, энергично дуя на воду, кажется, хочет выглядеть старше и дальноридней са- мой себя.

Незадолго до путча на страницах про- грессивной прессы звучал такой мотив: партократия, мол, не подарок, но, по- скольку она сплочена, а силы демокра- тии дробны, умерим свой пыл и, из- вывая огонь на себя, протянем руку парт- аппарату (соответственно — ножки по одежке) — ради общего блага. Говорил привычной и проше, воздержимся, граж- дане, от антикоммунистической истерии! А что? Разве «истерия», помимо проче- го, не антиэстетична, «охота на ведьм» — подходящее занятие для демократа? Остудители антибольшевистского пыла погружают длинную иглу прямоком в читательское подсознание, гася позыв к действию компрометирующим его тер- мином. «Охота на...», облава, погоня, «вкус к расправе...» Бр-р!

Попробуем, однако, помассировать уколото место и поставим маленький психолингвистический опыт, заменив прилагательное «антикоммунистический» (психизм, угар) на «антифашистский». До- ступно, «антифашистская истерия» хо- рошо звучит?

Такой эксперимент оправдан хотя бы тем, что аналогия «нацизм—большевизм» сделалась общим местом уже на заре гитлеровского режима в работах мыслителей (например, русских философов Серебряного века), столь почитаемых ныне. Да и наши левые либералы, кому не по вкусу массивированные атаки на партию, не думают оспаривать корифе- ев: верно, мол, красная и коричневая диктатура — две стороны одной меда- ли.

Популярный публицист Л. Радзихов- ский в статье с характерным заголов- ком «И забудьте вы про КПСС» («Ого- нек», № 44, 1991) не упустил случая «сбли- зить» два карательных режима, но тут же остерег послепутчевых радикалов: «в борьбе с коммунистами может возник- нуть настоящий неолобшевизм». А лейт- мотив статьи — «Отныне КПСС ни при- чем». В полном согласии с Л. Радзи- ховским выступил философ и политолог А. Ципко: «И упаси Бог начать снова «охоту на ведьм». Если мы суду над со- бой и своими духовными слабостями предпочтем суд над партией, КПСС, мы обречены» («А мы опять идем другим путем») — «Комсомольская правда» от 7.11.91).

Позвольте. Но, следуя подобной логи- ке, нужно признать все шаги по де- нацификации стран Европы после 9 мая 1945-го (включая Нюрнбергский процесс, преследование коллаборационистов, от- мену срока давности для преступлений против человечности) типичной «охотой на ведьм» и косвенным поощрением неонацизма. Либо впрямую заявить: ло- гика, мол, — дело десятое, важно на- ших «ведьм» в обиду не дать, не то с перепогу они еще чего-нибудь натворят.

Но, говоря словами романа, нам не дано забыть так скоро всеобъемлю- щую КПСС. Вот, к примеру, мнение Г. Явлинского, высказанное уже в этом году на страницах «Независимой газе- ты» (от 14.01): «Многие политики, стоя- щие у власти, обладают всеми родимыми пятнами прежней системы, ее менталь- ностью, формами и методами ведения дела, некомпетентностью, ограничен- ностью мышления, презрением к нау- ке...» Так «при чем» или «ни при чем» КПСС?

После длительной селекции образо- вался особый психологический конгло- мерат — «руководящие партийные и советские кадры», который если и мож- но посчитать как бы отмененным, то лишь для собственного успокоения. В нынешних условиях относительной ано- нимности ему — как овощу в парнике. А заявления типа «Отныне КПСС ни при- чем» — отличная для него подкормка.

Между тем подазчитные «ведьмы» то там, то здесь устраивают вполне офи- циальные слеты под немеркнущими для них знаменами, обещаю к концу года «вдурнить» эти слеты на старые места, вовсе нечувствуя себя гонимыми, а примериваясь половачей использовать нынешнюю смуту, ракетный взлет цен, дабы вернуть максимум из утраченного. И тому же Л. Радзиховскому приходит- ся теперь мягко успокаивать гене-

рала В. Дудника, который ждет от армейских партфункционеров нового «19 августа»: да нет, мол, они вряд ли решатся. Причем свои успокоительные пассы наш автор завершает уже без прошлогодней бравоности: «А вдруг оши- баюсь?» (смотри его комментарий к заметкам В. Дудника, «Огонек», № 2, 1992).

Отасность, конечно, не от одних лишь армейских «ястребов». На огромных просторах страны в исполкомовских креслах поерзывают вчерашние парт- деятели, которых гложет ностальгия по оставленным райкомовским и обкомоз- ским кабинетам. С Москвой тоже не все так просто, хотя здесь у «подполных обкомоз» и поменьше задора. Куда, к примеру, задевались несколько тысяч партаппаратчиков, отставленных от дел после провала путча? Согласно новогод- ней статистике, лишь четыре с неболь- шим сотни от общего числа цеккистов и обкомоз-райкомовцев хлопочут о своем трудоустройстве, остальные вросли в управленческую почву, исчезли в раз- ветвлениях новых структур вместе с ба- гажом нажитых навыков, пристрастий, вожделий. И для гипотетического охотника на «ведьм» уже трудноот- личимы от давних министерских са- новников, осанистых директоров с за- мами, вообще от руководящей публики, непрременной привилегией которой было членство в партбюро — на соот- ветствующей иерархической ступени...

Сами о том, возможно, не ведая, мы повязаны совковой лексикой, агитсти- лем, генсековским «языкознанием», вцепившимся в наше подсознание; глотаем без особого протеста успокоитель- ные пилюли публицистики, которым важно обеспечить гражданский покой и бе- зопасность «ведьм».

А что худого в их начинании? Сомни- тельный состав «пилюль», оказывающих побочное действие, и хитрая методика кормления ими.

Значит, после опечатывания обкомоз- райкомов «ум, честь и совесть эпохи» стали единицами музейного хранения и уже «ни при чем»? Надо полагать, ядо- витые выбросы партидеологии, согласно которой вековые запозеди — полов- ский бред, в одночасье иссякли, меха- низм «созидающего» развала эконо- мики почихал и заглох, воспитание хо- луйства мысли не дало всходов... Не будем множить подобные вопросы. Речь, собственно, о другом — об отно- шении публицистов к своей профессии и читателю.

КОГДА незадолго до путча штатный обозреватель «Комсомолки» при- зывал демократов, не раздражая вспыхивую КПСС, трудиться с нею со- обща, мирком да ладком, его увещева- ния звучали в тоне «Куда же денеше- высь». Подразумевалось: тактический вы- игрыш окупит все издержки. А если кислый альянс демократов с партокра- тии еще больше загазует атмосферу, помрачит шаткие умы? Господи, какие нежности! Впервой ли нам нести поте- ри на тернистом пути? Политика-то — что? «Искусство возможного» (М. Гор- бачев).

«А публицистика? — вездливо спро- сим мы. — Школа политиканства, ис- кусство пудрить мозги!»

Отгремел путч, наплывили по осени грозды гнева против партии — впер- вы было коммунистов по чуланам прятать. И у публицистики — очередная стра- да: надо остужать страсти. А как? Можно опереться на строки партийного гимна. Л. Радзиховский в статье, призывавшей нас позабудить про КПСС, обратился к затверженным куплетам, объясняя, что коммунизм — абсолютно неизбежный результат того, что в стране есть «го- лодные и рабы», которые «крутятся со своим возмущенным разумом — «в смертный бой». Вот и все. Вот и все «тайные козни» коммунистов. Так ито- жил наш автор свой аналитический эк- курс к истокам коммунизма.

Особенно трогательно тут звучит «Вот и все». Похоже на то, как некий лирик-соцреалист, посвятив сколько-то строк делам сердечным, молвил, поту- пая взор: «Тему любви я, кажется, зак- рыл». Огоньковский автор, кажется, за- крыл тему истоков коммунизма, явив себя отличником боевой и политической подготовки. Но даже в газетной библиотеке, где пылятся труды осново- положников, можно снять с полки то- мик дневниковых записей Толстого и найти среди них замечание о том, что из миллиона человеческих поступков лишь один совершается по разуму. Ох- лажденному или возмущенному — не

Виктор КАМЯНОВ

Забывать так скоро?

Об «охоте на ведьм» и принципе коллективной вины

уточнено. Суть не в определениях — в самом разуме, большом охотнике чис- лить себя распорядителем нашей воли.

Учение о борьбе классов и миссиан- ской роли пролетариата, впоследствии — всеобъемлющее, не произвело, как известно, особого впечатления ни на Толстого, ни на других крупных худож- ников второй половины века. Что и сле- довало ожидать, ибо художественной классике хорошо знаком этот тип ка- бинетного сознания, для которого его выкладки реальной самой реальности, а человек — подобие механического уст- ройства с пружиной социальных устрем- лений внутри. Для серьезного искус- ства широковещания марксизма — что манипуляции циркового силача с бут- форской гирей: примечательного мало — пусть даже у гири вид земного шара.

Поначалу вполне лояльны к револю- ции были Блок, Бабель, Платонов. Но почему-то у древка красного знамени им раньше всего выдвинулся, как «на спину б надо бубновый туз», у Плато- нова построением коммунизма в от- делном взятом Чевенгуре занят непри- казанный бродяжничий люд, у Бабеля с ником и повсюдом носится по полям орда буденновских конников, в боль- шинстве — из деклассированных. Тот и другой художник пробивался к пер- воистокам людских страстей, раздвигая слой готовых объяснений про неравен- ства сословий и возмущенный разум. А Бунин, с отвращением «взиравший на вакханалию братоубийства», — тот выска- зывался впрямую: «А все-таки дело за- ключается больше всего в «воровском шатании», столь излюбленном Русью с незапамятных времен, в охоте к разбой- ничьей, вольной жизни, которой снова охвачены теперь сотни тысяч отбывших- ся, отвыкших от дому, от работы и вся- чески развращенных людей» («Окаян- ные дни»).

Нас убеждают: на арену социальных схваток большевиков вытолкнула воля миллионов обездоленных, так что логич- ной не на ленинцах теперь отыгрывать- ся, а уж прямо звать к ответу его ве- личество трудовой народ. Нет, не логич- ной. Сегодня общедоступны сведения о раскладе политических сил накануне звездного часа большевиков, за кото- рыми на представительных форумах стояло меньшинство (ярлык «меньшеви- ки» стоило бы переклеить как раз на ленинцев), но которые, отчаянно рабо- тая локтями, протолкались к рычагам власти, перевесив, перегорланив, пе- ренахали конкурентов.

В беседе с журналистом А. Афанасьевым на страницах «Комсомолки» (№ 9 от 14.01.92) А. Ципко высказался так: «Большевики заманили российского муж- жика в излюбленный котлован коммунизма ворованным куском земли». Тут требу- ется уточнение: если ленинцы и замани- ли мужиков посулами, то на кратчай- ший срок — лишь до начала военного коммунизма и продкомиссарских нале- тов на их закрома. А всерьез и надолго большевики распалили своими кличками миллиена-комбедовца, презираемого все деревней.

Да, в свой срок прагматизм больше- виков-властолюбцев взял верх над пра- гматизмом более умеренных партий. А его величество трудовой народ все же слушался инстинкта самосохранения, не рвался сломя голову за экстремистами, хотя и впрямь «сотни тысяч отбывших- ся... развращенных» (по Бунину), под-

стегнутых кличем «Грабь награбленное!», пустились во все тяжкие. История, од- нако, распорядилась так, что миллионы россиян, еще привязанных к очагам, попали в заложники к тем сотням ты- сяч, которых обуял хмельной азарт и на чьей стороне было преимущество на- пора, напора, лихой бесшабашности, преимущество сжатой пружины перед ослабленной.

ИЗНАЧАЛЬНОЕ зло марксизма и пропагандистских вытжек из не- го — задача типовых макетов мироустройства как учебных пособий по перекройке мира. Неведение полу- чает шанс объять необъятное и волчком раскрутит планету. Разве не зажигатель- но?

Федор Степун, один из плеяды из- гнанных, в работе «Бывшее и несбыв- шееся» рассматривал связь между «ра- ционалистической идеологией» вождя революции и «иррациональной психоло- гией» масс. По его словам, «когда во- жди в своем агитационном иступлении взвизгивали свои точки зрения до пре- дела, до безумия, глаза масс налива- лись кровью». Наш современник Л. Радзиховский и знать о подобном не хочет: работали, мол, классовые пружины, разум «голодных и рабов» само- воспламенился — «эта тенденция объ- ективная, ни от каких «коммуналь» не зависящая». Руюко публициста раскручен маховик детерминизма, и виноватых нет!

Впрочем, главные подзащитные Рад- зиховского не вожди-покойники или «комиссары в пыльных шлемах» — нынешние их преемники. А что с преем- ников возьмешь, если они, по отзыву нашего автора, прилясызуют на пепе- лице былой веры вокруг «хиленького такого огонечка», все эти «древесы» — злобные, полуголодные, честные...» (ци- тирую «И забудьте вы про КПСС»). Ос- торожно, очередной миф! — скажу я от себя, обрывая цитату на ударном слове. «Честные»? Сейчас многие тол- куют о чистоте помыслов и святой вере романтиков ленинизма-сталинизма — чумаловых, жухраев, корчагиных.

ВО корчагиных, однако, немного погоды. Сначала о Нине Андреевой — ее принципами и присными. Полуголод- ная ли она? Телекамерой ничего такого не замечено. Впрочем, судить не бер- русь. А насчет честности впрямь поин- тересоваться: каким же способом пре- подавательница из Питера бережет от порчи прелюбные принципы под гра- дом улик против режима, обвалом ин- формации, которая приняла бы и по- мещицу Коробочку? Поскольку пози- ция «Не знаю и знать не хочу!» для громогласной партактивистки исклю- чена, выход один: браковать или перетол- ковывать улику за уликой. Изо дня в день. Да ведь это сущая каторга — ста- раться переупрямить факты, изобретая все новые (седьмой уж год, как плоти- ну прорвало!) демагогические уловки ради защиты глобного и гибельного де- ла. Без поминутной внутренней лжи, без грубых передерживаний тут никак не обойтись.

Корчагиным было проще. Их несло на гребне волны, впереди по курсу сияла Цель, и чужая (тем паче классово чуж- дая) правда меркла в этом сиянии. Усомнились ли сегодня, что они верили пламенно и свято? Да зачем же! Но все- таки есть завакыка...

В разгар великой смуты, когда кор-

чагины романтизировали бойню, Иван Бунин записывал: «Самый лучший, необ- ходимый паспорт, и теперь еще выда- ваемый газетами общественному деяте- лю: он верил... он верит... я верю в светлое будущее...» («Дневник 1917— 1918 гг.»). Трудно здесь не уловить но- ту раздражения и досады. Оно и понят- но: укрыться ведь негде от напористо- пошлой логики «паспортистов», по кото- рой мечта и вера достойны особых призов, а с общественника-мечтателя и взятки гладки. Бунинскую желчность растрывает сама повадка ленивой мы- сли, которую никак не сдвинуть с ее коч- ки: деятели верят, и весь тут сказ!

Зачем же в таком случае трудились Шекспир, Толстой, Достоевский, целые поколения философов, стремясь нащу- пать скрытые пружины людских поступ- ков, если полнота истины — под рукой? Фадеву или Островскому достаточно ссылок на классовую закалку, мечту, идею, веру, чтобы вопросы о побужде- ниях персонажей числить закрытыми. А попробуйте что-нибудь похожее отыс- кать у больших художников! Для них идеология с ее догмами, символикой и атрибутикой — подобие кабинета про- тезирования со вставной челюстью на витрине. «Он верил... он верит... я верю» — обычная продукция таких каби- нетов.

Когда же о романтиках ломки-строй- ки берется писать, ну, хотя бы Плато- нов, что-то странное вдруг происходит с набором объяснений-ярлыков про- цель, мечту и веру. Они падают в сме- ховое поле и корчатся, как береста на огне. Кошунство? Да нет же. Смех рожден знанием, что обиходный (идео- логизированный тем паче) ум — бут- фор и мистификатор, любит подмять сложное чем попроще, корешки верш- ками. А душа — та умеет зреть в ко- рень. Для души земной путь под веч- ным небом — космический дар, и она тянет соки из толщи бытия, взыскуя «радости пребывания в жизни» («Чевен- гур»). Главной своей корысти! Уму за секретной ее работой не уследить, и он сбивчиво бубнит по писаному (на кума- че или в циркуляре).

Отставание ума от души — один из источников платоновского комизма. А у Фадеева с Островским умы и души про- летариев комиссарят сообща, накрытые колпаком партидеологии. И миф о «че- стности» Нины Андреевой тоже подкол- пачного происхождения.

Борцам с перелестками антикомму- низма и сегодня случается брать под защиту Н. Островского с его героем. И, конечно же, тут всплывает испытанный довод о полноте самоотдачи и «абсо- лютном бескорыстии» корчагиных, нахо- дящихся «в экстазе веры». Ох, уж это идеологическое алиби — вера! А давай- те-ка сдвинем вплотную «экстаз» и «бескорыстие» да оглянемся на опыт внепартийных художников-аналитиков — сразу увидим, как нелепо «бескоры- стию» стоять рядом с «экстазом». Бес- сребренники корчагины, обходясь рав- ной галашей вместо справной обувки, были абсолютно корыстны. То есть корыстны по абсолютному счету души, пригнувшей в небо, разогнавшейся на немислимых пьязичных скоростях.

Кремлевские перекройщики мира и ведомые ими корчагины, воспарив над прахом, над собственной малостью, хме- лели на космических ветрах, а муть и тошноту похмелья оставили потомкам.

Так не резонно ли в тогдашних фана- тиков-экстазиков спросить за учиненный ими всепланетный дебош? За подстре- кательство к лютым расправам, доноси- тельству, отлозу еретиков, вандализму — «во имя...»? Нет, отвечают ценители романтической «веры», за разбитые горш- ки нам следует взыскивать с самих се- бя, не то мы «обречены». А. Ципко в той же беседе с А. Афанасьевым на страницах «Комсомолки» высказывает- ся так: «На этой территории воцарится мир» при условии, что «подавляющая часть россиян признает свою личную ответственность и за неудачи социаль- ного эксперимента, и за нынеш- ний обвалный распад страны...». По его мнению, «коммунистический центр» воз- ник «в силу их (россиян. — В. К.) поли- тического недомыслия и духовной сла- бости».

Что же это за «подавляющая часть», которая так оплошала, и как ее отделить от части неподдающейся? В разгар ком- мунистического эксперимента большин- ство российского населения составляло крестьянство плюс те выходцы из де- ревни, кто вернулся от загончиков-

коллективизаторов, расселившись по го- родским баракам да вагонкам вдоль железных дорог. Этот ли слой россиян повинен в экстазе поклонения политику- миру? Вообще не стоит слишком впе- чатляться казовой стороной тогдашних манифестаций и шестивей.

Политическая слепота или ослеплен- ность у нас чаще всего с прищуром: не замай, начальничек! И, кстати, укорам по адресу «подавляющей части росси- ян» обеспечено аналогичное восприя- тие: не замай, укоритель! А широкоад- ресное обличительство сегодня в моде. Один, другой, десятый из числа влия- тельных литераторов сликают «сограж- дан в хор для согласного покаяния за непотребства режима: все мы, дескать, замараны!»

Было бы сказано так: среди нас мно- го подпевал, аллилуйщиков во славу правящих старцев. И что? Очередной трюизм, какой выслушивают вполуха. А провозгласили: нам нужны «размышле- ния над виной народа и его, на- рода, ответственностью за все со- деянное» (из выступления М. Золо- тоносова на страницах «Московских но- востей», № 41, 1991) — тут уж не от- вертеться. Теперь ты, имярек, вроде того щедринского пескаря в большом неводе: с одного боку — щука, с дру- гого — окунь; ничего — всех уха уравни- вает.

А кто-то ее отведает? Кто же?.. Вне- запные предводители моей совести про- износят «мы», «наша вина» — значит, и они со мною в одном неводе? Формаль- но вроде так. Если же принять в рас- чет широкий жест, оракульский тон, нет, они насобицу, мечут праведные громы на поколения россиян, которые «в отличие от поляков, венгров... примирились с этим режимом, на протяжении последних шестидесяти лет так и не сформировали массового оппозицион- ного движения». Это я снова сделал вы- писку из статьи А. Ципко, который уточ- няет, чего он ждал от соотечественни- ков, да так и не дождался.

ИНТЕРЕСНО, велика ли была на Рей- не или Одерв оппозиция гитле- ровскому режиму, в Камбодже — клике Пол Пота? Быть может, политика репрессий, достигнув черты беспредела, рождает массовую апатию? Наставать на преимуществах такой версии не бер- русь. Речь об ином — о преимуществе исследования над голосистой риторикой. Не лучше ли заняться сравнитель- ным изучением деспотий, динамичной оппозиции: тирания — послушный ей на- род, нежели декламировать о вине по- колений за пассианность и «все содеян- ное», уравнивая — снова скажу с огля-дкой на Щедрина — щуку, окуня и пе- скаря?

Нынешние речи о всенародном «гре- хе» — стрельба в белый свет, как в ко- пеечку, пустой перевод пороха, ибо коллективная совесть — фикция, в и на — категория персональная, раздаче на душу населения не подлежит. Пройдут ли тебя безадресные (или широкоад- ресные) попреки, если ты для ораборов- моралистов — статистическая единица, загоняемая в толпу «грешников» с той же бесцеремонностью, с какой еще не- давно советского человека приобщали к всенародному покаянию? Ту и другую операцию роднит их тоталитарность, а нашего моралиста с партактивистом — усредненный взгляд на человека.

Допускаю, однако, что в ответ на все сказанное мои оппоненты перемигнутся с ухмылкой авгуров: нашел, мол, не- смысленнейший! Они ведь не об истине хлопочут — о практическом выигрыше: кайтесь, граждане, и воздержитесь от резких телодвижений, выпадов против КПСС! А я, спросите, о чем пекусь — о ече личеичании? Оборони Господи! Если речь о партвершухе (и партидеологии), она, на мой взгляд, подлежит, как и на- цистская, цивилизованному суду — за преступления против человечности.

Но ход событий сейчас таков, что охотники на «ведьм», того гляди, стану- т их добычей, а перспектива цивилизован- ного суда над партократией труднораз- личима.

Впрочем, речь-то у нас о другом. О том, что наши просветители темнят, как и встарь, декламацию выдают за ин- формацию, наставляя на читателя пе- дагогический перст: ты больше виноват! А я, читатель, в прошлом рядовой за- ложник деспотии, о малом прошу: уве- рьте палец, увольте меня от воспита- тельных нажимов! И еще — если рас- считывается ты услышанными, сбавьте, пожалуйста, тон.